

УДК 1(091)

Юрий Иванович Мирошников
доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
Института философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург. E-mail: miroshnikov1941@mail.ru

«СЕРДЕЧНЫЙ БУНТ» В ВЕК РАЗУМА (к 300-летию Жан-Жака Руссо)

В статье сделана попытка выявить взгляды Руссо на роль чувств в менталитете человека, в его духовной деятельности. Автор показывает, что Руссо исходит из качественного различия чувств-ощущений и чувств-эмоций. Руссо считает, что эмоциональная сфера («сердце») является центром личности. Приоритет эмоционального начала в сознании человека имеет решающее значение не только в нравственном поведении, но и в художественной, религиозной, политической, правовой и даже научно-познавательной деятельности человека. Таким образом, Руссо выступает с резкой критикой рационализма философии XVII-XVIII вв. и утверждает принцип эмотивизма в форме сентиментализма.

Ключевые слова: разум и эмоции, предметные и ценностные свойства бытия, рационализм и эмотивизм, приоритет эмоционально-оценочного элемента в познании и самопознании, сентиментализм Руссо как форма эмотивизма.

Чаще всего Ж.-Ж. Руссо называют философом, но даже в философских словарях к этой, как будто основной квалификации, добавляется ряд других: просветитель, педагог, социальный мыслитель, публицист, идеолог народных масс, основоположник сентиментализма и романтизма, писатель, музыкант и т.д. К самым известным произведениям Руссо относят политические трактаты и педагогический роман «Эмиль, или О воспитании». При всем обилии и многообразии литературного творчества Руссо в советской философской литературе он представлял По-преимуществу как автор трактата «Об общественном договоре, или Принципах политического права». Это произведение подавалось как самое значительное, сыгравшее «выдающуюся роль в развитии политического сознания широких народных масс» [13, с. 131]. «Самой значительной заслугой его (Руссо – Ю.М.) является классическая разработка теории общественного договора» [4, с. 68].

Написал ли Руссо хоть одно сочинение, которое можно отнести к философскому как таковому? Был ли Руссо философом? Ответ не очевиден, уж слишком заметно его сочинения отличались от тех, что были написаны до и после него Декартом, Спинозой, Кантом, Гегелем и другими классиками. Кроме того, и это хорошо известно, Руссо не жаловал ни философию, считая ее чем-то недостойным честного и порядочного человека, ни философов, каждый из которых, как казалось Руссо, был готов

откровенно признаться, подобно племяннику Рамо из одноименного произведения Дидро, что «мои мысли – это для меня те же распутницы» [5, с. 52]. Характерно, что Б. Рассел в своей давно известной российскому читателю работе «История западной философии», увидевшей свет в СССР впервые в 1959 г. и с той поры неоднократно переиздававшейся за последние два десятилетия, говорит о Руссо, что он «не был тем, что теперь было бы названо философом» [15, с. 181] и всячески отгораживается от французского мыслителя.

«Если бы я, – признается Рассел, – выбирал между Фомой Аквинским и Руссо, я бы выбрал Фому Аквинского» [15, с. 189]. Хотя Рассел вынужден признать, что Руссо не пренебрегает использованием в своих работах доводов Аристотеля, Аврелия Августина, Декарта, Локка, Гоббса и т.д., но эмотивизм Руссо, широкое использование приемов риторики, высокий стиль произведений основателя логического течения в философии математики не только не трогают, но даже отталкивают. В ряду других произведений Руссо Рассел положительно оценивает «Об общественном договоре...», но не потому что оно содержит высокий потенциал революционного демократизма, а потому что в нем сравнительно меньше сентиментальности и больше логических рассуждений [15, с. 189]. Таким образом мы должны быть готовы к тому, что философия в творчестве Руссо может утверждать странные тезисы и обнаруживаться в какой-то необычной, парадоксальной, саму себя отрицающей форме.

А.В. Луначарского поразил «грандиозный сердечный, в области чувств происходящий, романтический бунт Руссо против всех основ цивилизации и классового порядка» [12, с. 569]. Обратим внимание не на то, *на что бунт* французского мыслителя *направлен*, а на то, *где он протекает*. «Сердечность» – существенная характеристика, философская составляющая похода Руссо против цивилизации и классовой структуры современного европейского общества. Отмечал «сердечность» учения Руссо не только А.В. Луначарский, но все же ее философский смысл оставался не проясненным. Для М. Шелера Руссо – «отец революционного чувственно-радикализма и одновременно романтики» [26, с. 93-94]. И здесь, как мы видим, подчеркивается радикализм Руссо в сфере чувств, но в чем он заключается, в чем его предмет? Имеет ли в виду Шелер особого рода эмоциональность личности французского философа или подразумевает какое-то новое теоретическое понимание роли эмоций в жизни человека, которое развил Руссо в своих сочинениях? Явных ответов на эти вопросы у Шелера, одного из основателей аксиологии, мы не находим. Также и Б. Рассел отмечает, что огромное значение Руссо как мыслителя «проистекает главным образом из его призыва к сердцу и к тому, что в его время было названо “чувствительностью”» [15, с. 181]. Однако в чем этот призыв к сердцу состоит и каково его значение в философии Руссо Рассел не объясняет.

Нам представляется, что феномен, названный разными авторами то «сердечным бунтом», то «чувственным радикализмом», то «чувствитель-

ностью» и «призывом к сердцу», есть то новое, что давала философия Руссо в понимании роли эмоций в ментальной деятельности, в духовной жизни человека. Этот феномен – эмотивизм нес в себе радикальное (бунтарское) представление о соотношении эмоций и разума, «сердца» и «головы».

В литературе о Руссо часто подчеркивается странность, неожиданность, экстравагантность, парадоксальность его философии. Уже современники Руссо пытались свести его взгляды к парадоксам. Даже Дидро, чьим сподвижником и даже другом долгое время был Руссо, утверждал, что он – «первая жертва своих собственных софизмов... Его философия – если только она у него есть – состоит из обрывков и кусков...» [6, с. 378-379]. Таким образом возникает настоятельная потребность показать, что взгляды Руссо не только обладают мировоззренческой целостностью, но и сформировались они отнюдь не на пустом месте. Их легко узнаваемые особенности, образующие то, что именуется руссоизмом, были подготовлены всем ходом развития не только философии и науки, но и педагогики, искусства, политики, права, политической экономии, медицины и т.д. Все виды культуры оказались востребованы в творчестве Руссо, во всех ощущается и сегодня заметный вклад французского мыслителя.

Здесь мы коснемся лишь одного аспекта философского наследия Руссо, того, что названо в литературе его «сердечным бунтом». Пожалуй, этот аспект, при всей кажущейся его частности, тем не менее определяет всю архитектуру философского мировоззрения Руссо. Но вначале несколько слов о термине, может быть несколько непривычном для философского уха. Что такое «сердце»? Здесь оно, конечно, понимается не в прямом медицинском смысле как центральный орган кровообращения, а в метафизическом как средоточие эмоциональных процессов и состояний человека [23, с. 402]. Эмоциональная сфера с древнейших времен считалась элементом души, наряду с интеллектом (разумом) и волей. При этом предполагалось, что интеллектуальная деятельность осуществляется благодаря головному мозгу («голове»), волевая – печени, а эмоциональная – сердцу.

Это представление было подкреплено авторитетом древнегреческой философии и науки. Например, александрийский анатом Герофил пытался опытным путем локализовать именно в голове, сердце и печени те три части души, о которых лишь умозрительно говорил Платон [25, с. 33]. Подчеркнем, что представление о структуре частей души, локализованной в теле человека, существовало до и помимо утверждений философов и ученых, его подтверждающих или отрицающих. Эта схема прочно обосновалась в мифе, религии, искусстве, обыденном языке многих народов мира. Поэтому хотя поиски и Герофила, и анатомов последующих эпох не увенчались вполне убедительными результатами, а скорее говорили об обратном, это обстоятельство не мешало функционированию в культуре символического отождествления интеллектуальных сил с «головой», а эмоциональных – с «сердцем».

Русский язык, как и другие европейские языки, достаточно определенно выражает переносное значение слова «сердце», как центр эмоцио-

нальной жизни. Выражения, связанные со словом «сердце» в указанном смысле чрезвычайно многочисленны: «в сердцах» значит в порыве гнева, «сердце падает» означает, что кто-либо испытывает страх, тревогу, приходит в отчаяние и т.д. В этом смысле «сердце» противостоит «голове» как средоточию интеллектуальных сил, способности познавать и обладать знаниями. Сказать о ком-то, что он «с головой», означает, что он умный, толковый, «без головы» – неумный и т.д. [24, с. 113-114, 420-421]

В русской поэзии широко представлена семантика и «сердца», и «головы». Французская поэзия не является исключением. Приведем примеры из лирики Ф. Вийона и В. Гюго.

Затем тебе, подруге милой
Из-за которой вдаль бегу,
Кто радости меня лишила
И мысли спутала в мозгу,
Оставлю сердце [2, с. 50].

Порой я думаю о мире с омерзеньем,
Стих из меня идет кипящим изверженьем;
Я чувствую себя
Тем деревом, что смерч из почвы вырывает;
Жжет сердце мне огонь, и камнем застывает
Душа моя, скорбя!
.....
Закон пьет нашу кровь, алтарь благословенье
Дает преступникам, а истина в смятенье
Потупила чело [3, с. 11].

Для европейской культуры характерно не просто перманентное состояние четкого различения «головы» и «сердца», их тенденции к соперничеству и конфликту, но и склонность отдавать первенство «сердцу» во всех формах активности человека, в том числе и познавательной.

Стократ блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угмонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге, –
.....
Но жалок тот, кто все предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
В их переводе ненавидит,
Чье сердце опыт остудил
И забываться запретил! [14, с. 84].

Однако в Новое время пути философии, идущей рука об руку с развивающейся опытной наукой, и культуры (большинства ее видов) разо-

шлись. Идея единства и борьбы эмоционального и рационального начал в духовной жизни человека, решающего значения сердечных движений была решительно отвергнута философией в пользу безраздельного господства разума. В классической философии XVII–XVIII вв. сформировался рационализм. Главный тезис рационализма: разум – единственная безупречная духовная сила, с помощью которой человек способен реализовать свою сущность. Разумом, конечно, обладают все люди, он многое может сделать для укрощения различных эмоций («аффектов», как говорил Б. Спиноза), но путь, указываемый разумом, оказывается очень трудным для большинства людей. По этому пути идут только избранные. Лишь ученые способны преодолевать низкие страсти и желания. Чтобы наблюдать поведение людей «с той же свободой духа, с какой мы относимся обыкновенно к предметам математики, – признается Спиноза, – я постоянно старался не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться или не клясть их, а понимать» [22, с. 288].

В Лилипутии, стране, придуманной Дж. Свифтом, согласно описанию Гулливера, детей обучают в воспитательных учреждениях, куда родителям разрешают наведываться не чаще, чем два раза в год. При свиданиях с детьми, длящимися не более часа, родителям не позволено говорить ласковые слова. «Если бывает замечено, что няня позволила себе рассказать девочкам какую-нибудь страшную или нелепую сказку или позабавить их какой-нибудь глупой выходкой.., то виновная троекратно подвергается публичной порке кнутом, заключается на год в тюрьму и затем навсегда ссылается в самую безлюдную часть страны» [20, с. 195]. В этом же романе «Путешествие Гулливера» Свифт рисует общество разумных лошадей (гуингнгов), у которых разум «действует на мысль с непосредственной убедительностью», «он не осложнен, не затемнен и не обесцвечен страстью и интересом» [20, с. 361]. Вот она мечта европейских интеллектуалов XVII–XVIII вв., воплощенная таким фантастическим образом английским писателем.

Однако в реальности сам энтузиазм, с каким философы Нового времени обратились к исследованию природы, настойчиво требовал развития эмоционально-ценностных аспектов формирующейся картины мира. Так, например, для П. Бейля была совершенно ясна разница между вещными и ценностными свойствами предметов окружающего мира. Он же выделял особый класс ощущений удовольствия и боли: «Посредством этих ощущений человек знает не то, что собой представляют тела сами по себе (...), а то, что представляют собой тела по отношению к человеку...» [1, с. 338].

Определяющее влияние на развитие эмоционально-ценностного отношения к природе как объекту научного познания возымело, на взгляд М. Шелера, учреждение в 1224 г. неапольского университета под патронажем Фридриха II Штауфена, императора Священной Римской империи и короля Сицилии. Это событие обозначило изменение отношения человека к природе. В нем становится все более заметной эмоционально-ценностная составляющая. По словам М. Шелера, появилась «таинственная, пьянящая

связь человека с природой», в которой существенную роль играет уже не разум, а «сердце» [26, с. 111].

Пожалуй, высший образец такого симпатического «вчувствования», включения в природу, эмоционального слияния с ней проявлял в своем образе жизни и творчестве Руссо. В его литературных произведениях можно найти множество тому подтверждений, мы ограничимся лишь одним примером: «...оживленная природой и одетая в брачные одежды, среди водных источников и пенья птиц, земля являет человеку в гармоническом сочетании трех своих царств зрелище, полное жизни, занимательности и обаянья, единственное на свете, которое никогда не утомляет ни глаз, ни сердце. Чем чувствительней душа у созерцающего, тем более предается он восторгу, вызываемому в нем этой гармонией. Нежное и глубокое мечтанье овладевает тогда его чувствами, и в сладком опьянении он теряется в безмерности этой прекрасной системы, с которой чувствует себя слитым. Все отдельные предметы ускользают тогда от него; он видит и чувствует все во всем» [17, с. 642].

Эмоциональному восприятию природы европейцы научились у Руссо. Он один из самых ярких представителей новоевропейских философов и ученых, видящих в природе прежде всего объект ценностного отношения, объект любви. Обобщая особенности развития натуралистического естествознания XVII–XIX вв., М. Шелер обращает внимание на «закон первенства»: «“любители всегда идут впереди знатоков”, дилетанты – впереди чиновников со специально-научной подготовкой, “любовь – впереди познания”. Каждая новая предметная область, покоряемая наукой в ходе ее истории, должна быть сначала объята порывом любви – и лишь потом может наступить эпоха трезвого, интеллектуально объективирующего исследования. Новая наука о природе предполагает поэтому новое чувство природы, новое ценностное отношение к ней» [26, с. 110].

В отечественной литературе имя Руссо тесно связано с сентиментализмом, художественно-эстетическим направлением в искусстве, возникшем во второй половине XVIII в. В этом плане о Руссо говорится, что он «отдает предпочтение чувству, а не разуму, сердцу, а не уму» [21, с. 599]. Принципиальных возражений этот тезис не вызывает, хотя здесь не разъясняется, что нужно иметь в виду под «чувством» и под «сердцем». Такая неопределенность способствует сохранению давней путаницы между сенсорной и эмоциональной чувствительностью, то есть между ощущениями и эмоциями, которые одинаково называют чувствами. В конечном итоге сохраняется склонность к отождествлению сентиментализма и сенсуализма.

Есть два рода чувств: чувства-ощущения и чувства-эмоции. Сведение чувств к чувствам-ощущениям приводит к невидности и обеднению философских взглядов Руссо. Взгляды Руссо на чувства в советской литературе трактовались как на результаты работы внешних рецепторов (органов чувств), отражающих предметные свойства окружающего мира. Получалось, что Руссо, установивший приоритет чувств-эмоций, является

сенсуалистом. Мы воспроизведем одну из первых характеристик сенсуализма Руссо, попавших в знаменитый учебник истории философии 1941 г. «Теория познания Руссо сенсуалистична. Первыми орудиями познания Руссо считал чувства. Все наши знания он выводил из ощущений. Ощущения, полагал он, отличаются пассивным характером, суждения – активным; первые – истинны, вторые ведут к ошибкам. Поэтому приоритет в познании Руссо отдавал не разуму, а чувству. В этом отчетливо сказалось его резко отрицательное отношение к рационализму. Руссо не мог подняться до понимания взаимосвязи ощущений и мышления, он недооценивал значения последнего» [9, с. 332]. Более чем четверть века спустя автор статьи о Руссо в «Философской энциклопедии» писал: «Руссо абсолютизировал сенсуализм: для него чувства непогрешимы, а разум ведет к заблуждению...» [11, с. 541]. Эта же характеристика позиций Руссо сохраняется и сегодня [8, с. 586].

Руссо никогда не смешивал чувства-ощущения с чувствами-эмоциями, показания внешних органов чувств с внутренней сферой сердечных переживаний. Как утверждал Руссо, чувство-ощущение действительно способно лишь пассивно передавать нам внешнее впечатление об окружающем мире, зато чувство-эмоция возвращает нас к себе, «к нашим истинным измерениям». «Это единственное чувство, с помощью которого мы можем о себе судить» [18, с. 99]. При этом Руссо не считал, что все эмоции равноценны друг другу. Он видел в них определенную иерархию: одно чувство возвышает человека «до любви к справедливости и нравственно-прекрасному, до областей духовного мира, созерцание которого составляет усладу мудреца; другое возвращало его вниз» [19, с. 406]. Это другое чувство – страсть, покоряющая человека и увлекающая его на путь зла.

Нужно отметить, что Руссо не первый в XVIII в. заговорил о важной роли эмоциональной сферы, ничем не заменимой в духовной жизни и интеллектуальной деятельности человека. Взять хотя бы французских философов-просветителей и даже ближайшего соратника Руссо по «Энциклопедии» – Дидро. Дидро писал: «Всегда и всюду ополчаются против страстей; на них возлагают ответственность за все горести человека, забывая, что они же источник всех его удовольствий. Они являются элементом человеческой природы, о котором нельзя сказать ни слишком много хорошего, ни слишком много плохого. Но я не могу не испытывать досады, видя, что их всегда рассматривают именно с дурной стороны, точно боятся оскорбить разум, произнося хотя бы одно слово в пользу его соперниц; а между тем только страсти, и только великие страсти, могут поднять душу до великих дел» [7, с. 164].

Как показывает Э. Кассирер, большинство французских просветителей XVIII в. – Вольтер, Гельвеций, Дидро – считают, что страсти оживляют и украшают природу. Конечно, желательно, чтобы страсти не выходили из подчинения разуму, но приходится признать, что это пожелание не выполнимо. В таком выводе, как пишет Кассирер, «отчетливо выступает общее изменение психологической ориентации, которая заявля-

ет о себе еще до появления в свет основных сочинений Руссо и осуществляется независимо от них» [10, с. 126]. Руссо не просто усилил внимание к эмоциональной сфере, а поднял «сердечный бунт», решительно пересмотрел роль чувств в духовной жизни человека. Из периферийной, иногда вспомогательной, но чаще всего противодействующей разуму, эта сфера интерпретируется как центральная ментальная структура. В философии Руссо она истолковывается как духовное основание свободы личности, познания и самопознания, нравственной оценки и регулирования своего поведения.

В бытийном плане человеческого существования высший уровень эмоциональной сферы человека Руссо отождествляет с совестью. Совесть – орган определения доброго и злого: «О, совесть, совесть! божественный инстинкт и небесный голос... непогрешимый ценитель добра и зла, уподобляющий человека Богу!» [19, с. 427]. Природа совести такова, что она порождает не интеллектуальную, а эмоциональную реакцию человека. Сам по себе интеллект не способен правильно судить о благе. «Проявления совести суть не суждения, а чувствования; хотя все наши идеи приходят к нам извне, чувствования, оценивающие их, находятся внутри нас, – посредством их только мы и познаем соответствие и несоответствие между нами и вещами, которых мы должны помогать или избегать» [19, с. 425].

Для философии Руссо свойственно сближение понятий «совести» и «сердца». Совесть в ее способности эмоционально оценивать ценностные свойства действительности, то есть совесть в ментальном плане Руссо называет «сердцем». Результаты интеллектуальной деятельности мышления и разума, не снабженные «внутренним светом», исходящим от «сердца», ведут лишь от одних ошибок к другим. «Исповедание веры савойского викария», наиболее развернуто и определенно выражающего философские взгляды Руссо, начинается со знаменательного утверждения: «Итак, нося в душе, вместо всякой философии, любовь к истине и руководясь, вместо всякой методы, легким и простым правилом, избавляющим меня от бесплодной тонкости аргументов, я принимаюсь за исследование по этому правилу занимающих меня познаний, решив принять за очевидные все те, с которыми не могу не согласиться в глубине своего сердца, за истинные все те, которые покажутся мне имеющими необходимую связь с первыми, все же прочие оставить в области неизвестного, не отвергая и не принимая их, если они не ведут ни к чему практически полезному» [19, с. 390].

С этого бунтарского по своей сути тезиса Руссо начинается романтическая атака на классический рационализм XVII столетия Декарта, Спинозы, Лейбница. В противовес основной посылке всего европейского рационализма Руссо утверждает, что человеческое «я» селится не в нашем разуме, а в нашем «сердце» [16, с. 126]. Для Руссо подлинное существование человека начинается с полноценного проявления его сердечных чувств, любое движение души начинается с «сердца». Декарт утверждал, что истинно все то, о чем можно ясно мыслить. Руссо же, вступая в явное

противоречие с великим соотечественником, считает, что мы будем правы, если за советом будем обращаться к своему «сердцу» как последней инстанции. «Если бы все философы мира доказывали, что я не прав, а вы чувствуете, что я прав, то мне ничего больше и не нужно», – так говорит савойский викарий Эмилю [19, с. 425].

Возвращаясь к обычно упоминаемой связи взглядов Руссо с сентиментализмом, скажем о необходимости рассматривать его в более широком историко-философском контексте, то есть не только как художественно-эстетическое течение, но прежде всего как философский принцип, как идейный феномен нового понимания роли эмоциональной сферы в ментальных процессах, в духовной жизни человека. Учитывая руссоистскую трактовку диалектики рационального и эмоционального становится понятно, почему сентиментализм исходя из каких философских оснований «отдает предпочтение чувству, а не разуму, сердцу, а не уму» и что имеется в виду под словами «чувство» и «сердце». Тогда обнаруживается и ограниченность представлений о том, что «чувство для сентиментализма по своей природе является нравственным...» [21, с. 599]. Во-первых, сентиментализм ориентируется не на чувство-ощущение, а на чувство-эмоцию, а во-вторых, в его контекст оказывается вовлеченным не только нравственное чувство, но вся палитра человеческих эмоций: художественно-эстетических, научно-познавательных, религиозных, гражданско-политических, правовых, экономических, то есть любых, сопровождающих всякую человеческую деятельность. Сентиментализм исходит из того, что «чувство», «сердце» является универсальной формой чувственно-непосредственной дологической оценочной реакции человеческого сознания на ценностные свойства окружающего мира. В-третьих, сентиментализм покоится на убеждении, что эмоциональная сфера играет более важную роль, чем интеллект или воля. Таким образом, сентиментализм – это историческая форма эмотивизма, а Руссо – основоположник эмотивизма в европейской философии Нового времени.

Эмотивизм – это философская позиция, возникавшая в истории философии в споре с рационализмом и волюнтаризмом о соотношении эмоций («сердца»), разума и воли в сознании. Все эти три направления имеют амбивалентную оценку, так как приоритет эмоций, разума или воли в европейской философии периодически и поочередно подвергался сомнению, или, напротив, выдвигался на первый план. Термин «эмотивизм» создан и использовался неопозитивизмом исключительно в негативном смысле. Представители этой философской школы XX в. называли «эмотивистскими» оценочные суждения, основанные на эмоциях, которые они выводили за пределы научных знаний. Так, например, Рассел твердо заявлял, что «вещи, которые законно являются делом чувства, лежат вне ее (то есть науки – Ю.М.) сферы» [15, с. 303]. Но, как мы стремились показать, взгляды Руссо по этому вопросу сильно отличались от позиций неопозитивистов.

Теперь об итогах нашего анализа «сердечного бунта» Руссо. Следует признать, что своим учением об эмоциях он изменил и обогатил европейскую философию, по крайней мере, в двух отношениях.

Во-первых, Руссо подверг сомнению культ «чистого» познания, он показал, что пьедестал, на который философы и ученые возводили себя в качестве субъекта «чистого» разума, не имеет прочного основания. Поэтому можно сказать, что Руссо предвосхищает Канта с его «Критикой чистого разума». С точки зрения Руссо, ни один профессионал познавательной деятельности не обладает приоритетной позицией в сфере человеческого знания о мире. Любой человек в равной мере может претендовать на истину, если он способен прислушаться к голосу своего «сердца». В этом смысле следует истолковывать слова Руссо: «Я буду ... убежденно защищать дело человечества перед мудрецами...» [18, с. 43]. Деятельность разума Руссо ставит в контекст всего конкретного существования человеческого индивида. В XIX в. эта установка станет главной для философии С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше. Эти и другие представители зарождающегося экзистенциализма, философии жизни, неокантианства сделают принципиальную эмотивистскую (или волюнтаристскую) поправку к рационализму классической философии XVII – XIX вв.

Во-вторых, Руссо удалось заглянуть в «сердца» людей, то есть в ту предметную область, которая, за исключением Б. Паскаля, всегда оставалась в пренебрежении, считалась недостойной научного внимания. Руссо первым из европейских философов Нового времени стал систематически и концептуально исследовать эмоциональную сферу и ее роль в духовной жизни человека и в функционировании различных видов культуры.

С точки зрения Руссо, наша способность эмоционально реагировать на события окружающего мира «бесспорно предшествует нашему разумению, и чувства мы получили раньше идеи» [19, с. 425-426]. В философии Руссо мы имеем дело не с сенсуализмом, как это до сих пор утверждается, а с эмотивизмом, с объяснением того, как постигаются не предметные, а ценностные свойства бытия. В работах Руссо можно проследить зарождение эмотивистской аксиологии, которая начнет постепенно формироваться в XIX–XX столетиях. Согласно аксиологическому учению, развитому например М. Шелером, родство человека с различными формами блага устанавливается чувственно (эмоционально), а не рационально. Как открыл Руссо, благо вызывает в нас любовь не потому, что мы его знаем благодаря пришедшей к нам идее, а потому что мы эмоционально переживаем положительную оценку в нас самих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бейль П.* Философский комментарий на слова Иисуса Христа «Заставь их войти» // Исторический и критический словарь: в 2 т. М.: Мысль, 1968. Т. 2. С. 265-341.
2. *Вийон Ф.* Малое завещание // Ф. Вийон. Стихи / Пер. Ф. Мендельсона и И. Эренбурга. М.: Изд-во худож. лит., 1963. С. 46-60.
3. *Гюго В.* Из книги «Искусство быть дедом» // Французские поэты. Избранное / В пер. Арго. М.: Изд-во худож. лит., 1967. С. 7-23.
4. *Дворцов А.Т.* Ж.-Ж. Руссо. М.: Наука, 1980. 112 с.

*Мирошников Ю.И. «Сердечный бунт» в век Разума
(к 300-летию Жан-Жака Руссо)*

5. *Дидро Д.* Племянник Рамо // Д. Дидро. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 52-125.
6. *Дидро Д.* Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Д. Дидро. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 342-506.
7. *Дидро Д.* Философские мысли // Д. Дидро. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 164-187.
8. *Жуков В.Н.* Руссо // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 8-е изд. М.: Республика; Современник, 2009. С. 586-587.
9. История философии. В 2 т. Т. 2 / Под ред. Г.Ф. Александрова и др. М.: ОГИЗ–Госполитиздат, 1941. 472 с.
10. *Кассирер Э.* Философия Просвещения. М.: РОССПЭН, 2004. 400 с.
11. *Кузнецов В.Н.* Руссо // Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Сов. энцикл., 1967. Т. 4: Наука логики – Сигети. С. 541-543.
12. *Луначарский А.В.* Гете и его время (К столетию со дня смерти Гете) // А.В. Луначарский. Статьи о литературе. М.: Изд-во худож. лит., 1957. С. 569-588.
13. *Момджян Х.Н.* Французское Просвещение XVIII века: Очерки. М.: Мысль, 1983. 447 с.
14. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин // А.С. Пушкин. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 4. С. 7-180.
15. *Рассел Б.* История западной философии. В 2 т. Т. 2. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1994. 400 с.
16. *Руссо Ж.-Ж.* О политической экономии // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 109-141.
17. *Руссо Ж.-Ж.* Прогулки одного мечтателя // Ж.-Ж. Руссо. Исповедь. Прогулки одного мечтателя. М.: Изд-во худож. лит., 1949. С. 583-672.
18. *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 31-108.
19. *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании / Пер. с фр. П.Д. Перлова. 2-е изд. М.: К.И. Тихомиров, 1911. L, 756 с.
20. *Свифт Дж.* Путешествие Гулливера // Дж. Свифт. Сказка бочки. Путешествие Гулливера. М.: Изд-во худож. лит., 1976. С. 153-386.
21. *Силичев Д.А.* Сентиментализм // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. Изд. 8-е. М.: Республика; Современник, 2009. С. 599.
22. *Спиноза Б.* Политический трактат // Б. Спиноза. Избр. произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. С. 285-382.
23. Философский словарь / Пер. с нем. Изд. 22-е. М.: Республика, 2003. 575 с.
24. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. Изд. 2-е. М.: Сов. энцикл., 1968. 543 с.
25. *Чикин С.Я.* Врачи-философы. М.: Медицина, 1990. 392 с.
26. *Шелер М.* Проблемы социологии знания. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2011. 304 с.

Материал поступил в редколлегию 6.09.2012 г.

**“HEART RIOT” IN THE AGE OF REASON (DEDICATED TO 300TH
ANNIVERSARY OF JEAN-JACQUES ROUSSEAU)**

Yuri I. Miroshnikov, Doctor of Philosophy, associate professor, Head of Educational Department of philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: miroshnikov1941@mail.ru

Abstract: In the article, an attempt has been made to reveal Rousseau’s views on the role of feelings (emotions) in human mentality and in spiritual activity. The author shows that according

to Rousseau there is qualitative difference between perception and emotions (feelings). Rousseau considers emotional sphere “(heart)” to be the centre of human personality. The priority of emotion in human perception is crucially significant not only for moral behavior, but also for artistic, religious, political, legal and even scientific and cognitive activity. Thus, Rousseau severely criticizes rationalism of XVII–XVIII century philosophy and asserts the principle of emotivism in the form of sentimentalism.

Keywords: reason and emotion, objective and valuable features of being, rationalism and emotivism, priority of emotional and evaluative elements in cognition and self-knowledge, sentimentalism as form of emotivism.